

≡ РУССКАЯ КРИТИКА ≡

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

Литературно-критические
статьи

РУССКАЯ КРИТИКА

Н.К.МИХАЙЛОВСКИЙ

*Литературно-критические
статьи*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

*Подготовка текста,
вступительная статья и примечания*
Г. А. Б Я Л О Г О

Оформление художника
М. Р О В Е Н С К О Г О

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Имя Н. К. Михайловского неразрывно связано с народническим литературно-общественным движением. Среди народнических критиков, действовавших в легальной печати, Михайловский был бесспорно самой популярной фигурой.

Перу Михайловского принадлежат статьи и отзывы о крупнейших русских писателях второй половины XIX и начала XX века. Его работы о Тургеневе, Щедрина, Толстом, Достоевском, Г. Успенском, Гаршине, Чехове были заметным явлением в истории русской литературы и общественной мысли второй половины XIX века. Между тем литературная деятельность Михайловского освещена еще далеко не достаточно. Разобраться в сложном наследии Михайловского, выяснить сильные и слабые стороны его критических взглядов — одна из важных задач советского литературоведения.

1

Николай Константинович Михайловский родился 15 ноября 1842 года в Мещовске, Калужской губернии, в дворянской семье среднего достатка.

Учился Михайловский в костромской гимназии. В 1856 году умер его отец (матери он лишился в раннем детстве), и родственники, совместно с опекунами, определили его в Петербургский институт корпуса горных инженеров. Здесь в пору общественного подъема накануне крестьянской реформы Михайловский воспринял освободительные веяния времени: учащиеся читали «Современник», увлекались Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым, читали также и запрещенный «Колокол». Закончить курс Михайловскому

не удалось: в 1863 году, когда он был в последнем классе корпуса, произошла обычная в те времена «история»: столкновение учащихся с учебным начальством. В этой «истории» Михайловскому принадлежала не последняя роль, и ему было предложено подать прошение об увольнении из корпуса.

Литературная деятельность Михайловского началась еще до выхода из института. В 1860 году, семнадцати лет от роду, он поместил в журнале «Рассвет» первую критическую статью — «Софья Николаевна Беловодова», посвященную актуальному в то время женскому вопросу. Однако вначале не литература влекла к себе Михайловского; еще на институтской скамье он мечтал об адвокатуре. После исключения из института он стал усиленно заниматься юридическими науками, но поступить в университет ему не удалось, и с юриспруденцией Михайловский решил распрощаться навсегда, чтобы целиком отдаться литературе и публицистике.

В 1865 году он познакомился с группой передовых литераторов, сотрудничавших в журнале «Книжный вестник». С тех пор Михайловский стал постоянным сотрудником этого журнала, а иногда, в критические для журнала периоды, он выполнял даже обязанности редактора.

Один из сотрудников «Книжного вестника», Николай Дмитриевич Ножин, оказал на Михайловского огромное влияние. Талантливый молодой ученый, биолог по специальности, он мечтал о сближении естествознания с общественными науками и от этого сближения ожидал важных последствий для развития революционной социалистической мысли. В очерках «Вперемежку» Михайловский с сочувствием и даже с восхищением изобразил Ножина в лице Бухарцева. «Никогда не встречал я такой силы анализа, такой способности к обобщению, такого быстрого усвоения фактического материала, такой неустанной, почти лихорадочной работы мысли, — так отзывался Михайловский о своем друге. — Пишу вполне трезво и сознательно: Бухарцев был гениальный ум» (IV, 267) *. Ножин охотно развивал свои мысли в кругу друзей и, пишет Михайловский, «можно сказать, ежедневно осылал нас гипотезами, теориями, оригинальными сближениями, не придавая им никакого значения, а так, между делом. Так льется вода из переполненного сосуда» (IV, 269).

Общение Михайловского с Ножиным было очень кратковременным. Ножин умер в 1866 году, 3 апреля, при загадочных, до сих

* Статьи Михайловского цитируются по тексту полного собрания его сочинений, изд. «Русского богатства», СПб. 1896. В скобках указываются том и страница.

пор не выясненных обстоятельствах. Ножин был близок к Худякову, тесно связанному с Каракозовым; перед покушением Каракозова Ножин стал проявлять признаки беспокойства, нервозности, подолгу отлучался из дома, наконец внезапно заболел и умер в больнице накануне покушения. Есть основания предполагать, что он отравился; быть может, он был противником покушения и пытался предотвратить его. Вероятно, Ножину Михайловский обязан сближением с революционными кругами, и несомненно под его воздействием он пристально интересовался биологическими вопросами. Социальные идеи Добролюбова и Чернышевского, мелкобуржуазный социализм Прудона, учения европейских социалистов-утопистов соединились в сознании Михайловского с естествен-но-научными проблемами.

Кроме «Книжного вестника», Михайловский сотрудничал в «Неделе», в «Гласном суде»; он принял участие и в «Невском сборнике» Некрасова. Естественно, что ему было предложено сотрудничество в некрасовских «Отечественных записках». Работа в «Отечественных записках» с 1869 года до закрытия журнала составила эпоху в жизни и деятельности Михайловского. Здесь помещались все его критические и публицистические статьи. В «Отечественных записках» Михайловский работал рядом с Некрасовым и Щедриным. Щедрин не разделял многих воззрений Михайловского, связанных с его субъективной социологией, поэтому между ними иной раз возникали серьезные расхождения. Однако эти расхождения не раскалывали редакционного коллектива «Отечественных записок».

За время работы в «Отечественных записках» установились и окрепли связи Михайловского с революционными кругами. Еще в 1864 году Михайловский под влиянием «Что делать?» Чернышевского принял участие в организации кооперативной артели, целиком истратив на это предприятие небольшое наследство, доставшееся ему после смерти отца. В пору близости с Ножиним он, очевидно, вращался в среде, близкой к каракозовцам. В период «Отечественных записок», не примкнув организационно ни к одному из революционных течений, он близко стоял к «Земле и воле», и в особенности к «Народной воле». В 1878 году, после выстрела Веры Засулич, он написал нелегальный «Летучий листок», в котором доказывал, что если управление страной не будет передано в «общественные руки», то единственным выходом будет создание тайного «Комитета общественной безопасности». «И тогда, — писал он, — горе безумцам, становящимся поперек путей истории!» (X, 70).

Сотрудничал Михайловский и в нелегальном органе народо-

вольцев «Народная воля». Здесь он поместил статью «Лисий хвост и волчий рот», направленную против министра внутренних дел Лорис-Меликова, хитрого и ловкого диктатора, прикрывавшего борьбу против революционного движения либеральными фразами. Здесь же поместил Михайловский несколько статей под общим заглавием «Политические письма социалиста». Эти письма неслучайно были подписаны псевдонимом «Гроньяр», что значит ворчун. «Ворчал» Михайловский потому, что его смущали надежды на народное восстание, в которое народовольцы, как известно, и без того верили весьма слабо. Ведь партия «Народной воли» и возникла в результате краха надежд на массовое движение крестьянства. Но Михайловский занимал в этом вопросе позицию еще более крайнюю, чем руководители народовольческого журнала: он возлагал надежды исключительно на активность революционеров-одиночек в их борьбе с правительством. Вместе с тем он убеждал народовольцев для достижения своих целей не отказываться от близости с либеральными кругами. Как известно, народничество никогда не могло отделить себя резкой чертой от либерализма, и в «Письмах» Михайловского это сказалось с особенной ясностью.

Несмотря на эти разногласия, Михайловский всегда поддерживал связи с деятелями революционного подполья и даже старался помогать им практически. После убийства Александра II Исполнительный комитет «Народной воли» обратился к новому царю с открытым письмом, содержащим ряд политических требований. Письмо это было передано на окончательную редакцию Михайловскому и затем принято с теми небольшими поправками, которые он предложил. В 1882 году Михайловский принял деятельное участие в переговорах правительства с «Народной волей». Близкий к кругу Чернышевского журналист Н. Я. Николадзе, выполнявший в этих переговорах роль посредника, обратился к Михайловскому, и тот взял на себя для этой цели организацию совещания уцелевших деятелей «Народной воли»; между прочим, он ездил в Харьков, где скрывалась тогда В. Н. Фигнер, единственная из оставшихся на свободе членов Исполнительного комитета.

И до и после этого эпизода Михайловский поддерживал личные связи с деятелями революционного подполья. Однако прямую революционную работу он никогда не считал своей главной задачей. Свою роль он понимал как роль теоретика и публициста, отстаивающего задачи и принципы народничества в легальной журналистике. В этом смысле ответил он П. Л. Лаврову, когда тот предложил ему систематическое участие в нелегальном журнале «Вперед».

После закрытия правительством в 1884 году «Отечественных записок» Михайловский в 1885 году перешел в «Северный вестник», в котором пытался воскресить традиции закрытого журнала. Убедившись в невозможности этого, он в 1888 году покинул «Северный вестник» и нашел себе временное пристанище в «Русских ведомостях» и отчасти в «Русской мысли». В 1892 году он принял участие в «Русском богатстве» и с 1894 года до конца жизни стоял во главе этого журнала. Общеизвестно, что «Русское богатство», став типичным органом народнического либерализма, ни в малой мере не заменило «Отечественных записок». На страницах «Русского богатства» велась упорная борьба с революционным марксизмом, и Михайловский возглавлял эту борьбу.

Лучший, относительно прогрессивный период его литературно-критической деятельности остался позади. 28 января 1904 года Н. К. Михайловский умер.

2

На протяжении всей своей литературной деятельности Михайловский упорно и настойчиво подчеркивал свою идейную связь с шестидесятниками — с Чернышевским, Добролюбовым, отчасти и с Писаревым. Он считал себя прямым преемником этих людей, верным хранителем их наследства. Он много раз говорил о том, что прошел их школу, воспитался в созданной ими идейной атмосфере, и он действительно многое воспринял от своих предшественников, но в то же время во многом разошелся с ними. Для взглядов Михайловского характерна та специфическая прибавка народничества к наследству революционных просветителей, о которой говорил В. И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?» *.

Такой народнической «прибавкой» является субъективная социология Михайловского: его теория прогресса, учение о целостности «неделимых», о борьбе за индивидуальность.

Верховным мерилом ценности и прогрессивности всех общественных явлений Михайловский объявлял человеческую личность, индивидуальность или «неделимое», как он обычно называл индивидуальность, применяя ходовой термин, принятый в биологической науке. Законно, хорошо, нравственно, прогрессивно лишь то, что соответствует потребностям, желаниям, счастью человеческой личности. Личность, рассуждает Михайловский, меньше всего за-

* См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 474.

интересована в том, чтобы стать частью какого бы то ни было целого, быть поглощенной им, и больше всего заинтересована в самодостаточности, в целостности и гармонии. Отсюда вырастает знаменитая формула прогресса Михайловского, выдвинутая им в ранней его работе «Что такое прогресс» (1869), сразу же ставшей «евангелием» субъективной народнической социологии: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов» (I, 150).

Антиисторичность, отвлеченный антропологизм этой формулы, ее идеалистическая природа — все это теперь совершенно очевидно. Еще в 90-х годах В. И. Ленин и Г. В. Плеханов разъяснили это с исчерпывающей точностью. «Вы видите, — писал В. И. Ленин в 1894 году о теории прогресса Михайловского, — этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс... Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случавшихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков» *.

Выдвинув свою формулу прогресса в полемике против «органической теории» Герберта Спенсера, Михайловский в дальнейшем старался уточнить и углубить ее, привлекая для этой цели разнообразные материалы из области биологии и социологии, истории и политической экономии, но сущность ее сохранил на протяжении всей своей деятельности. Такое понимание прогресса он считал единственно возможным; выдвинуть в качестве критерия прогресса интересы и потребности более широкой единицы, чем личность, например общества, — с точки зрения Михайловского противно самой природе человека, потому что общество представляет собой

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 119—120.

некую высшую индивидуальность, которая стремится подчинить себе человека, подобно тому как человек стремится подчинить себе низшие «индивидуальности», то есть отдельные органы, входящие в его состав.

Личность Михайловский рассматривал не только как единственный критерий прогресса, но и как главного творца истории. В статье «Герои и толпа» (1882) Михайловский так ставил вопрос о соотношении личности и массы: при современном общественном строе, считал он, огромное большинство людей подавлено однородностью и скудостью жизненных впечатлений. В этих условиях сознание и воля массы, «толпы», тускнеет, люди становятся терпеливы, покорны, послушны; человеческая толпа легко впадает в состояние почти гипнотической пассивности и обнаруживает повышенную склонность к бессознательному подражанию. И тут человек с инициативой — «герой» — может с легкостью увлечь за собой «толпу» на любое дело, доброе или злое, на подвиг или на преступление. Человек этот может быть вовсе не великим, даже не выдающимся деятелем, и тем не менее именно он будет «героем» того или иного исторического события.

Эта теория Михайловского стала обоснованием многих политически ошибочных действий народников, — в частности, их тактики индивидуального террора.

Выводя в своих социологических построениях на первое место личность и противопоставляя ее обществу, Михайловский в то же время превращал личность в некую абстракцию и ее интересы рассматривал в отрыве от реального хода истории. В самом деле, согласно теории прогресса Михайловского, все реальные достижения человеческой культуры, промышленности, техники, материальной цивилизации оказывались явлениями регрессивными, а прогрессивные явления человеческой истории либо терялись в туманной дали доисторического периода, либо мелькали в качестве редких феноменов исторического прошлого, либо представляли как задача, как цель, как идеал для будущего.

Этот зияющий разрыв между субъективным идеалом и объективным развитием жизни Михайловский заполнял теорией «типов и степеней развития». Современный общественный строй, рассуждал он, действительно стоит на очень высокой степени развития, но это *высокая степень* в развитии *низшего типа*; наоборот, первобытный строй жизни находился на крайне *низкой степени* развития, зато он представлял собой *высший тип*. Это же относится и к современной крестьянской общине, отсталой по сравнению с окружающими ее формами капиталистического хозяйства; она представляет собой *высший тип* общественной организации, стоящий

на низкой степени развития. Задача и цель людей, берущих на себя осуществление формулы прогресса, должна, очевидно, заключаться в том, чтобы привести высокий тип общественного развития к столь же высокой степени.

К этому же, по Михайловскому, должна была бы стремиться истинная наука, но беда заключается в том, что такая наука не может существовать и развиваться в современном обществе, основанном на кастовом строе, на специализации и чудовищном разделении труда. Здесь мы подходим к взглядам Михайловского на роль и значение науки в современном обществе.

Результатом чрезмерного разделения труда в этой области явилась раздробленность научного познания и прежде всего взаимная изоляция наук естественных и общественных. Наука о жизни — биология — и наука об обществе — социология, так далеко отошедшие одна от другой в результате свойственной современному строю специализации, должны, по Михайловскому, объединиться: обе эти науки исследуют, с его точки зрения, все тот же всеобъемлющий закон — закон борьбы за индивидуальность. Михайловский часто выступал против кастовости, против академизма, против ведомственных перегородок в науке. В частности, свою задачу он видел в том, чтобы «смешать» все виды знания, переходя с полной непринужденностью от данных биологии к фактам истории, литературы, современной политической жизни. Публицистичность, даже фельетонность литературной манеры стала как бы декларативной позицией Михайловского; для него это было больше чем манера, это был принцип. В 1876—1877 годах он помещал в «Отечественных записках» очерки под характерным заглавием — «Впережку», где писал уже решительно обо всем разом: беллетристические главы перемежались политическими тирадами, рассуждениями на биологические и социальные темы, лирическими воспоминаниями, критическими этюдами, и т. п. В предисловии к этому циклу он заявлял с задором: «Я не романист, не критик, не публицист, а всего понемножку, «впережку». В таком смысле я и условие с редакцией «Отечественных записок» заключил. Выйдет у меня фантастическая поэма — могу ее печатать, водевильные куплеты — тоже могу, критические заметки — опять могу, и т. д.» (IV, 210—211).

Свое положение в науке он определил словом «профан», противопоставив, таким образом, свою позицию позиции патентованных представителей официальной науки. «Записки профана» — так назывался его цикл 1875 года. Профан, от лица которого написаны очерки, — это как бы воплотившаяся абстрактная «индивидуальность», «целостная личность», борющаяся за свои права

в жизни и получившая свой голос в литературе, политике и науке; в то же время это обыкновенный образованный человек, считающий себя вправе предъявлять требования людям науки, забывшим про его существование. «Как профаны, мы носим в себе начало свободы, независимости, неприспособленности к данной форме общества, задаток лучшего будущего, задаток успешной борьбы за индивидуальность. Поэтому, служа профанам, наука служит человечеству». Только на пути служения профанам наука может добиться полной истины. «Исполняйте наши заказы, люди науки, и вам дастся истина» (III, 423—424).

Говоря об истине, Михайловский разумел только «явления и те постоянные отношения, в которые они становятся друг к другу». «Сущность вещей, — говорил он, — вечная тьма». Человек не может познать то, что выходит за пределы его опыта, да и не должен стремиться к этому, так как эти стремления ни к чему не ведут его в борьбе за счастье. Опираясь на О. Конта и позитивистов, Михайловский самое стремление постигнуть «сущность вещей» считал метафизикой. Позитивистский агностицизм, являвшийся по философскому существу своему разновидностью идеализма, лег, таким образом, в основу его мировоззрения.

Об этой стороне взглядов Михайловского В. И. Ленин писал: «В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами» *.

3

Таковы основные черты тех глубоко ошибочных взглядов, которые развивал Михайловский в качестве «прибавки» к наследству шестидесятников. Давно уже было отмечено, что по научной сущности своей эта «прибавка» эклектична. Действительно, в своем стремлении все смешать и объединить на пользу человеку Михайловский был эклектиком не только практически, но и принципиально. Подбирая аргументы в пользу свей теории прогресса, он брал разнородный материал, и брал его отовсюду: биологические аргументы он заимствовал у русского натуралиста Карла Бэра: философская основа его построений восходит к позитивиз-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 100—101.

му — к О. Конту, Е. Дюрингу и другим; полемизируя против органической теории Г. Спенсера, Михайловский опирался на многие понятия спенсеровой социологии — на его рассуждения об органе и организме; яркие примеры губительной роли разделения труда он заимствовал у Маркса; даже в пору полемики с марксизмом он без всяких на то оснований защищал субъективизм ссылкой на известные тезисы Маркса о Фейербахе (Последние сочинения, I, 70—71); в своей критике капиталистического строя он опирался на Прудона, идею соединения биологии с социологией Михайловский сам связывал с именем Ножина; идеал гармонического, целостного, естественного человека восходит к великим западноевропейским утопистам и, конечно, к Чернышевскому. Более мелкие источники построений и аргументов Михайловского настолько многочисленны и разнообразны, что перечислить их было бы нелегко.

Однако при всем теоретическом эклектизме система Михайловского, как и система русского народничества вообще, обладает внутренним единством своего объективно-социального содержания. И признание регрессом капиталистической формации общества, и идеализация докапиталистической старины, и фетишизация целостного, «самодостаточного» человека, и т. п. — все это имеет своим реально историческим содержанием «представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом, который смотрит одним ликом в прошлое, другим — в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом, — а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма» *.

Таким образом, Михайловский, подобно другим теоретикам народничества, выражал и отстаивал интересы огромной массы русских мелких производителей. Опираясь на ошибочную философско-социологическую теорию, он в этой теории искал и находил обоснование необходимости и неизбежности борьбы с самодержавно-полицейским гнетом и с пережитками крепостничества.

Надо помнить, что взгляды Михайловского сформировались в период общественной реакции, когда казалось, что объективный ход истории не оправдывает демократических стремлений передовой интеллигенции. В этих-то условиях и возникли идейные концепции, рассчитанные на то, чтобы повернуть колесо истории, не

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 480—481.

считаясь с ее объективным ходом и даже вопреки ему. Поэтому и взгляды Михайловского приобрели субъективистский и волюнтаристский характер. Но будучи активно направлены против реакционных сил, эти взгляды, ошибочные по своей научной сущности, приобрели тем не менее в 70—80-е годы боевое демократическое содержание.

Михайловский не случайно связывал свою идейно-политическую биографию с приходом в русскую жизнь разночинцев-демократов, хотя прямо себя к ним не относил. В приходе разночинца он видел начало нового периода русской общественной мысли. «Что случилось? — писал он в 1874 году. — Разночинец пришел. Больше ничего не случилось. Однако это событие, как бы кто о нем ни судил, как бы кто ему сочувствовал или не сочувствовал, есть событие высокой важности, составившее эпоху в русской литературе» (II, 623). С этого времени и начинается для Михайловского современный этап русской жизни и литературы. Предшествующие периоды он затрагивал редко и почти всегда в связи с вопросом о разночинцах. О декабристах, например, Михайловский отказывался говорить по цензурным соображениям. «Я не могу говорить об этих людях так, как хотел бы, а говорить так, как могу, — не хочу» (II, 633). Люди 20-х годов были в его глазах гораздо беднее жизненным опытом, чем разночинцы; он подчеркивал, что «ядро их составляла военная молодежь аристократического происхождения», и сама констатация этого факта звучала в его устах как осуждение.

Что касается людей 40-х годов, то это были дворяне средней руки, образованные и чуткие, но с неопределенным мировоззрением и неопределенным общественным положением: «ни в тих ни в сих», говорил Михайловский. Не имея крепких связей с настоящим, не имея причин веровать крепко в будущее, эти люди, естественно, должны были искать себе пристанище в сфере более или менее отвлеченных истин и красот. «К окружающей их действительности они должны были, конечно, относиться отрицательно, но в большей части случаев, постояв перед ней в позе красивого уныния, они стремились уйти от ее скверн в тихое пристанище гегелевской диалектики и красивых образов» (II, 634). Из этой среды для Михайловского выделялся только гениальный Белинский и небольшая группа стоявших возле него людей: «под красивой корою искусства и философии» у них появились реальные жизненные задачи: освобождение крестьян, освежение политической атмосферы и т. п.

Только разночинцы, по мнению Михайловского, выдвинули вопросы народной жизни как единственно важные, только они отвле-

ченные категории цивилизации подчинили идее народа и его блага; к тому же они сами, как выходцы из народа, имели право говорить от его имени и заявлять свои права. Это были люди часто грубоватые и бесцеремонные, менее чуткие, чем их предшественники, но зато более решительные, не сомневающиеся в себе и знающие, что делать.

В тесной связи с «пришествием разночинца» находится, по Михайловскому, появление другого общественного элемента. Это дворяне по происхождению, дети людей 40-х годов, которыми овладела непреодолимая потребность «самообругания, самонаказания, покаяния». Этих людей, почувствовавших вину и ответственность за свою принадлежность к господствующему сословию, Михайловский назвал «кающимися дворянами». Рассматривая эту общественную группу, Михайловский сильно преувеличивал ее роль и значение. В революционно-демократическом движении 60-х годов и в народническом движении 70—80-х годов участвовало немало выходцев из помещичьей среды, иные из них играли видную роль. Достаточно вспомнить Писарева, Лаврова, Крапоткина и самого Михайловского. Но, будучи выходцами из дворянской среды, они реально-исторически были деятелями разночинного периода русского освободительного движения. Созданные ими социальные и политические теории были выражением взглядов мелкого производителя, мелкого буржуа, и ничего дворянского в себе не заключали. А чувство социальной вины и покаянные настроения, сказывавшиеся у некоторых народнических писателей, ничего существенно важного в систему народнических взглядов не вносили. Михайловский же склонен был видеть в «кающихся дворянах» некую обособленную группу, даже «секту», как он ее иной раз называл. Люди этой «секты», считал Михайловский, начали с того, что занялись разработкой личной морали. Как жить свято? — вот вопрос, который на первых порах захватил все их внимание. Кающимся дворянам грозила прямая опасность «закупориться в тесную раковину собственной чистоты», но на помощь к ним пришли разночинцы и спасли «кающихся дворян» от крайностей. Разночинцы были полны ненависти, решимости и увлекли этими своими настроениями молодых сектантов. Каяться разночинцам было не в чем; напротив, они не хотели знать никаких эпитимий и требовали покаяния от других. Разночинцы и «кающиеся дворяне», при всем отличии друг от друга, почувствовали свою взаимную близость: те и другие были недовольны существующим порядком вещей и стремились к изменению жизни. Эти различные психологические типы дополняли друг друга, сохраняя, однако, свои типические признаки.

Основной психологической чертой разночинцев Михайловский считал начало «чести», в то время как у «кающихся дворян» он видел прежде всего обостренное чувство «совести». Установить гармонию между требованиями «совести» и «чести» — в этом видел Михайловский задачу будущего. Самая же психологическая потребность в такой гармонии возникла после того, как «кающиеся дворяне» встретились с разночинцами. К «кающимся дворянам», к людям «уязвленной совести», которые в своих стремлениях столкнулись с героями «чести» — разночинцами, — и возводил Михайловский свое мировоззрение, свою систему. «Уязвленная совесть» заставила его и ему подобных почувствовать личную ответственность за господствующую в мире неправду, вызвала ощущение долга перед народом, стремление сквитаться с ним, оградить народ от «чумазого» и ради этой цели опровергнуть и разоблачить всех и всяких апологетов современного строя, оправдывающих закабаление народа.

Этими понятиями «совести» и «чести», которым Михайловский придавал важное значение, он всегда оперировал как в своих социально-философских сочинениях, так и в литературно-критических статьях.

4

Первое печатное произведение Михайловского — статья «Софья Николаевна Беловодова» (1860) не дает представления о его критической манере. Это еще юношеская, незрелая работа: ее автору было всего семнадцать лет. Такой же характер «пробы пера» имеет и большинство рецензий, помещавшихся Михайловским на протяжении 60-х годов в «Книжном вестнике». Подлинное лицо Михайловского-критика обнаружилось в его политических выступлениях против литературной реакции разных оттенков. Уже в 1868 году появилась его статья «Старички» — один из тех больших и колких фельетонов, которые и позднее нередко посвящал Михайловский литературным явлениям, не заслуживающим серьезного разбора.

В «Старичках» подвергнуты жестокому осмеянию «Беседы в Обществе любителей российской словесности при императорском Московском университете». Престарелые члены общества, вроде Федора Глинки и князя Вяземского, закосневшие в своих пристрастиях к литературной старине и ненависти к прогрессивной литературе, обрисованы как зубры из Беловежской пуши, вообразившие себя хранителями истины вообще и истинных понятий о прекрасном в частности. На заседаниях этих старцев, обменивающихся

церемонными приветствиями, молодому критику, слышится «какой-то мертвый, торжественный шум, как бы от падения на пол сыплющегося песка». С презрительным негодованием оценивает Михайловский характерную черту литературных староверов — «симпатию к величавой и красно- и многоречивой «русской словесности» и антипатию к сменившей ее «русской литературе» (X, 444).

В оценке ретроградных писателей Михайловский не стесняется в выражениях и не знает другого оружия, кроме сатирического бича. Так же обращался он впоследствии и с реакционными беллетристами 70—80-х годов — Б. Маркевичем, Авсеенко и им подобными; не критические разборы посвящал им Михайловский, а сатирические фельетоны, написанные иной раз в щедринской манере. Он старался показать, к примеру, что аристократические защитники «основ» семьи и брака, негодующие против нигилистов — разрушителей этих «основ», сами в своих бесчисленных романах любуются фривольными и соблазнительными нравами великосветских лоботрясов обоего пола. С блеском и остроумием пародировал Михайловский великосветский роман, в котором герои группируются парами, и эти пары «более или менее красиво совершают многоточие». «Эх, господа, господа! — обращается критик к писателям вроде Маркевича и Авсеенко. — Любовь дело житейское, любовь дело юльное, но лицемерие дело скверное. Или скажите уж прямо: узы брака священные, но *messieurs* Леон, Панталеон, Мильон и *mesdames* Кира, Мира, Заира имеют привилегию на разрушение оных. Тогда по крайней мере дело ясно будет» (V, 560).

С такой же беспощадной резкостью отнесся Михайловский и к реакционным веяниям в молодой беллетристике 80-х годов. В самом начале этого десятилетия писатель-ренегат Ю. Н. Говоруха-Отрок написал несколько рассказов, главным героем которых был революционер, разочаровывающийся в своей бывшей деятельности. Фигура этого отщепенца была освещена трагическим светом и подана в сочувственном духе. Михайловский откликнулся на эти рассказы, характерные для 80-х годов, презрительно-гневной статьей «Гамлетизированные поросята» (1882). Эта кличка относилась к героям рассказов Говорухи-Отрока, прикрывавшим свое ренегатство гамлетической позой. Задача критика заключалась в том, чтобы указать этим людям их настоящее место. «Это тем полезнее теперь, — писал Михайловский, — когда к услугам гамлетизированных поросят являются модные пессимистические теории, с высоты которых они могут с особенным удобством кокетничать и ломаться» (V, 690).